

Максим Горький

Сказки

Про Иванушку-дурачка

Жил-был Иванушка-дурачок, собою красавец, а что ни сделает, всё у него смешно выходит - не так, как у людей.

Нанял его в работники один мужик, а сам с женой собрался в город; жена и говорит Иванушке:

- Останешься ты с детьми, гляди за ними, накорми их!
- А чем? - спрашивает Иванушка.
- Возьми воды, муки, картошки, покроши да свари - будет похлебка!

Мужик приказывает:

- Дверь стереги, чтобы дети в лес не убежали!

Уехал мужик с женой; Иванушка влез на полати, разбудил детей, стащил их на пол, сам сел сзади их и говорит:

- Ну, вот, я гляжу за вами!

Посидели дети некоторое время на полу, - запросили есть; Иванушка втащил в избу кадку воды, насыпал в нее полмешка муки, меру картошки, разболтал всё коромыслом и думает вслух:

- А кого крошить надо?

Услыхали дети - испугались:

- Он, пожалуй, нас искрошит!

И тихонько убежали вон из избы.

Иванушка посмотрел вслед им, почесал затылок, - соображает: "Как же я теперь глядеть за ними буду? Да еще дверь надо стеречь, чтобы она не убежала!"

Заглянул в кадушку и говорит:

- Варись, похлебка, а я пойду за детьми глядеть!

Снял дверь с петель, взвалил ее на плечи себе и пошел в лес; вдруг навстречу ему Медведь шагает - удивился, рычит:

- Эй, ты, зачем дерево в лес несешь?

Рассказал ему Иванушка, что с ним случилось, - Медведь сел на задние лапы и хохочет:

- Экой ты дурачок! Вот я тебя съем за это!

А Иванушка говорит:

- Ты лучше детей съешь, чтоб они в другой раз отца-матери слушались, в лес не бегали!

Медведь еще сильнее смеется, так и катается по земле со смеху!

- Никогда такого глупого не видал! Пойдем, я тебя жене своей покажу!

Повел его к себе в берлогу. Иванушка идет, дверью за сосны задевает.

- Да брось ты ее! - говорит Медведь.

- Нет, я своему слову верен: обещал стеречь, так уж устерегу!

Пришли в берлогу. Медведь говорит жене:

- Гляди, Маша, какого я тебе дурачка привел! Смехота!

А Иванушка спрашивает Медведицу:

- Тетя, не видала ребятишек?

- Мои - дома, спят.

- Ну-ка, покажи, не мои ли это?

Показала ему Медведица трех медвежат; он говорит:

- Не эти, у меня двое было.

Тут и Медведица видит, что он глупенький, тоже смеется:

- Да ведь у тебя человечьи дети были!

- Ну да, - сказал Иванушка, - разберешь их, маленьких-то, какие чьи!

- Вот забавный! - удивилась Медведица и говорит мужу: - Михайло Потапыч, не станем его есть, пусть он у нас в работниках живет!

- Ладно, - согласился Медведь, - он хоть и человек, да уж больно безобидный!

Дала Медведица Иванушке лукошко, приказывает:

- Поди-ка набери малины лесной, - детишки проснутся, я их вкусеньким угощу!

- Ладно, это я могу! - сказал Иванушка. - А вы дверь постерегите!

Пошел Иванушка в лесной малинник, набрал малины полное лукошко, сам досыта наелся, идет назад к медведям и поет во всё горло:

Эх, как неловки

Божии коровки!

То ли дело - муравьи

Или ящерицы!

Пришел в берлогу, кричит:

- Вот она, малина!

Медвежата подбежали к лукошку, рычат, толкают друг друга, кувыркаются, очень рады!

А Иванушка, глядя на них, говорит:

- Эхма, жаль, что я не Медведь, а то и у меня дети были бы!

Медведь с женой хохочут.

- Ой, батюшки мои! - рычит Медведь, - да с ним жить нельзя, со смеху помрешь!

- Вот что, - говорит Иванушка, - вы тут постерегите дверь, а я пойду ребятишек искать, не то хозяин задаст мне!

А Медведица просит мужа:

- Миша, ты бы помог ему!

- Надо помочь, - согласился Медведь, - уж очень он смешной!

Пошел Медведь с Иванушкой лесными тропами, идут - разговаривают по-приятельски.

- Ну и глупый же ты! - удивляется Медведь, а Иванушка спрашивает его:

- А ты - умный?

- Я-то?

- Ну да!

- Не знаю.

- И я не знаю. Ты - злой?

- Нет. Зачем?

- А по-моему - кто зол, тот и глуп. Я вот тоже не злой. Стало быть, оба мы с тобой не дураки будем!

- Ишь ты, как вывел! - удивился Медведь.

Вдруг видят: сидят под кустом двое детей, уснули.

Медведь спрашивает:

- Это твои что ли?

- Не знаю, - говорит Иванушка, - надо их спросить. Мои - есть хотели.

Разбудили детей, спрашивают:

- Хотите есть?

Те кричат:

- Давно хотим!

- Ну, - сказал Иванушка, - значит, это и есть мои! Теперь я поведу их в деревню, а ты, дядя, принеси, пожалуйста, дверь, а то самому мне некогда, мне еще надобно похлебку варить!

- Уж ладно! - сказал Медведь. - Принесу!

Идет Иванушка сзади детей, смотрит за ними в землю, как ему приказано, а сам поет:

Эх, вот так чудеса!

Жуки ловят зайца,

Под кустом сидит лиса,

Очень удивляется!

Пришел в избу, а уж хозяева из города воротились, видят: посреди избы кадушка стоит, доверху водой налита, картошкой насыпана да мукой, детей нет, дверь тоже пропала, - сели они на лавку и плачут горько.

- О чем плачете? - спросил их Иванушка.

Тут увидели они детей, обрадовались, обнимают их, а Иванушку спрашивают, показывая на его стряпню в кадке:

- Это чего ты наделал?

- Похлебку!

- Да разве так надо?

- А я почему знаю - как?

- А дверь куда девалась?

- Сейчас ее принесут, - вот она!

Выглянули хозяева в окно, а по улице идет Медведь, дверь тащит, народ от него во все стороны бежит, на крыши лезут, на деревья; собаки испугались завязли, со страху, в плетнях, под воротами; только один рыжий петух храбро стоит среди улицы и кричит на Медведя:

- Кину в реку-у!...

Случай с Евсейкой

Однажды маленький мальчик Евсейка, - очень хороший человек! - сидя на берегу моря, удил рыбу. Это очень скучное дело, если рыба, капризная, не клюет. А день был жаркий: стал Евсейка со скуки дремать и - бултых! - свалился в воду.

Свалился, но ничего, не испугался и плывет тихонько, а потом нырнул и тотчас достиг морского дна.

Сел на камень, мягко покрытый рыжими водорослями, смотрит вокруг - очень хорошо!

Ползет не торопясь алая морская звезда, солидно ходят по камням усатые лангусты, боком-боком двигается краб; везде на камнях, точно крупные вишни, рассеяны актинии, и всюду множество всяких любопытных штук: вот цветут-качаются морские лилии, мелькают, точно мухи, быстрые креветки, вот тащится морская черепаха, и над ее тяжелым щитом играют две маленькие зеленые рыбешки, совсем как бабочки в воздухе, и вот по белым камням везет свою раковину рак-отшельник. Евсейка, глядя на него, даже стих вспомнил:

Дом, - не тележка у дядюшки Якова...

И вдруг слышит над головою у него точно кларнет запищал:

- Вы кто такой?

Смотрит- над головою у него огромнейшая рыба в сизо-серебряной чешуе, выпучила глаза и, оскалив зубы, приятно улыбается, точно ее уже зажарили и она лежит на блюде среди стола.

- Это вы говорите? - спросил Евсейка.

- Я-а...

Удивился Евсейка и сердито спрашивает:

- Как же это вы? Ведь рыбы не говорят!

А сам думает: "Вот так раз! Немецкий я вовсе не понимаю, а рыбий язык сразу понял! Ух, какой молодчина!"

И, приосанясь, оглядывается: плавает вокруг него разноцветная игривая рыбешка и - смеется, разговаривает:

- Глядите-ка! Вот чудище приплыло: два хвоста!

- Чешуи - нет, фи!

- И плавников только два!

Некоторые, побойчее, подплывают прямо к носу и дразнятся:

- Хорош-хорош!

Евсейка обиделся: "Вот нахалки! Будто не понимают, что перед ними настоящий человек..."

И хочет поймать их, а они, уплывая из-под рук, резвятся, толкают друг друга носами в бока и поют хором, дразня большого рака:

Под камнями рак живет,

Рыбий хвостик рак жует.

Рыбий хвостик очень сух,

Рак не знает вкуса мух.

А он, свирепо шевеля усами, ворчит, вытягивая клешни:

- Попадите-ка мне, я вам отстригу языки-то!

"Серьезный какой", - подумал Евсейка.

Большая же рыба пристаёт к нему:

- Откуда это вы взяли, что все рыбы - немые?

- Папа сказал.

- Что такое - папа?

- Так себе... Вроде меня, только - побольше, и усы у него. Если не сердится, то очень милый...

- А он рыбу ест?

Тут Евсейка испугался: скажи-ка ей, что ест!

Поднял глаза вверх, видит сквозь воду мутно-зеленое небо и солнце в нем, желтое, как медный поднос; подумал мальчик и сказал неправду:

- Нет, он не ест рыбы, костлявая очень...

- Однако - какое невежество! - обиженно вскричала рыба. - Не все же мы костлявые! Например - мое семейство...

"Надо переменить разговор", - сообразил Евсей и вежливо спрашивает:

- Вы бывали у нас наверху?

- Очень нужно! - сердито фыркнула рыба. - Там дышать нечем...

- Зато - мухи какие...

Рыба оплыла вокруг него, остановилась прямо против носа, да вдруг и говорит:

- Мух-хи? А вы зачем сюда приплыли?

"Ну, начинается! - подумал Евсейка. - Съест она меня, дура!..."

И, будто бы беззаботно, ответил:

- Так себе, гуляю...

- Гм? - снова фыркнула рыба. - А может быть, вы- уже утопленник?

- Вот еще! - обиженно крикнул мальчик. - Нисколько даже. Я вот сейчас встану и...

Попробовал встать, а не может, точно его тяжелым одеялом окутали - ни поворотиться, ни пошевелиться!

"Сейчас я начну плакать", - подумал он, но тотчас же сообразил, что плачь не плачь, в воде слез не видно, и решил, что не стоит плакать, - может быть, как-нибудь иначе удастся вывернуться из этой неприятной истории.

А вокруг - господи! - собралось разных морских жителей - числа нет!

На ногу взбирается голотурия, похожая на плохо нарисованного поросенка, и шипит:

- Желаю с вами познакомиться поближе...

Дрожит перед носом морской пузырь, дуется, пыхтит, - укоряет Евсейку:

- Хорош-хорош! Ни рак, ни рыба, ни моллюск, ай-я-яй!

- Погодите, я, может, еще авиатором буду, - говорит ему Евсей, а на колени его влез лангуст и, ворочая глазами на ниточках, вежливо спрашивает:

- Позвольте узнать, который час?

Проплыла мимо сепия, совсем как мокрый носовой платок: везде мелькают сифонофоры, точно стеклянные шарики, одно ухо щекочет креветка, другое - тоже щупает кто-то любопытный, даже по голове путешествуют маленькие рачки, запутались в волосах и дергают их.

"Ой, ой, ой!" - воскликнул про себя Евсейка, стараясь смотреть на всё беззаботно и ласково, как папа, когда он виноват, а мамаша сердится на него.

А вокруг в воде повисли рыбы - множество! - поводят тихонько плавниками и, вытаращив на мальчика круглые глаза, скучные, как алгебра, бормочут:

Как он может жить на свете без усов и чешуи?

Мы бы, рыбы, не могли бы раздвоить хвосты свои!

Не похож он ни на рака, ни на нас - весьма во многом!

Не родня ли это чудо безобразным осьминогам?

"Дуры! - обиженно думает Евсейка. - У меня по русскому языку в прошлом году две четверки было..."

И делает такой вид, будто он ничего не слышит, даже хотел беззаботно посвистеть, - но - оказалось - нельзя: вода лезет в рот, точно пробка.

А болтливая рыба всё спрашивает его:

- Нравится вам у нас?

- Нет... то есть - да, нравится!.. У меня дома... тоже очень хорошо, ответил Евсей и снова испугался:

"Батюшки, что я говорю?! Вдруг она рассердится, и начнут они меня есть..."

Но вслух говорит:

- Давайте как-нибудь играть, а то мне скучно...

Это очень понравилось болтливой рыбе, она засмеялась, открыв круглый рот так, что стали видны розовые жабры, виляет хвостом, блестит острыми зубами и старушечьим голосом кричит:

- Это хорошо - поиграть! Это очень хорошо - поиграть!

- Поплывемте наверх! - предложил Евсей.

- Зачем? - спросила рыба.

- А вниз уже нельзя ведь! И там, наверху, - мухи.

- Мух-хи! Вы их любите?

Евсей любил только маму, папу и мороженое, но ответил:

- Да...

- Ну что ж? Поплывем! - сказала рыба, перевернувшись головой вверх, а Евсей тотчас цап ее за жабры и кричит:

- Я - готов!

- Стойте! Вы, чудище, слишком засунули свои лапы в жабры мне...

- Ничего!

- Как это - ничего? Порядочная рыба не может жить не дыша.

- Господи! - вскричал мальчик. - Ну, что вы спорите всё? Играть так играть...

А сам думает: "Лишь бы только она меня немножко подтащила наверх, а там уже я вынырну".

Поплыла рыба, будто танцуя, и поет во всю мочь:

Плавниками трепеща,

И зубаста да тоща,

Пищи на обед ища,

Ходит щука вокруг леща!

Маленькие рыбёшки кружатся и хором орут:

Вот так штука!

Тщетно тщится щука

Ущемить леща!

Вот так это - штука!

Плыли, плыли, чем выше - тем всё быстрее и легче, и вдруг Евсейка почувствовал, что голова его выскочила на воздух.

- Ой!

Смотрит - ясный день, солнце играет на воде, зеленая вода заплескивает на берег, шумит, поет. Евсейкино удилище плавает в море, далеко от берега, а сам он сидит на том же камне, с которого свалился, и уже весь сухой!

- Ух! - сказал он, улыбаясь солнцу, - вот я и вынырнул.

Самовар

Было это летней ночью на даче.

В маленькой комнате стоял на столе у окна пузатый самовар и смотрел в небо, горячо распевая:

Замечаете ли, чайник, что луна
Чрезвычайно в самовар влюблена?

Дело в том, что люди забыли прикрыть трубу самовара тушилкой и ушли, оставив чайник на конфорке; углей в самоваре было много, а воды мало - вот он и кипятился, хвастаясь пред всеми блеском своих медных боков.

Чайник был старенький, с трещиной на боку, и очень любил дразнить самовар. Он уж тоже начинал закипать; это ему не нравилось, - вот он поднял рыльце кверху и шипит самовару, подзадоривая его:

На тебя луна
Смотрит свысока,
Как на чудака, -
Вот тебе и - на!

Самовар фыркает паром и ворчит:

Вовсе нет. Мы с ней - соседи.
Даже несколько родня:
Оба сделаны из меди,
Но она - тусклее меня,
Эта рыжая лунишка, -
Вон на ней какие пятна!

Ах, какой ты хвастунишка,
Даже слушать неприятно!

- зашипел чайник, тоже выпуская из рыльца горячий пар. Этот маленький самовар и вправду очень любил хвастаться; он считал себя умницей, красавцем, ему давно уже хотелось, чтоб луну сняли с неба и сделали из неё поднос для него.

Форсисто фыркая, он будто не слышал, что сказал ему чайник, - поёт себе во всю мочь:

Фух, как я горяч!
Фух, как я могуч!
Захочу - прыгну, как мяч,
На луну выше туч!

А чайник шипит своё:

Вот извольте говорить
С эдакой особой.
Чем зря воду-то варить.
Ты - прыгни, попробуй!

Самовар до того раскалился, что посинел весь и дрожит, гудит:

Покиплю ещё немножко,
А когда наскучит мне, -
Сразу выпрыгну в окошко
И женюсь на луне!

Так они оба всё кипели и кипели, мешая спать всем, кто был на столе. Чайник дразнит:

Она тебя круглей.

Зато в ней нет углей,

- отвечает самовар.

Синий сливочник, из которого вылили все сливки, сказал пустой стеклянной сахарнице:

Всё пустое, всё пустое!
Надоели эти двое!

Да, их болтовня
Раздражает и меня,

- ответила сахарница сладеньким голосом. Она была толстая, широкая и очень смешлива, а сливочник – так себе, горбатенький господин унылого характера с одной ручкой; он всегда говорил что-нибудь печальное:

Ах, - сказал он, -
Всюду - пусто, всюду - сухо,
В самоваре, на луне.

Сахарница, поёжившись, закричала:

А в меня залезла муха
И щекочет стенки мне...
Ох, ох, я боюсь,
Что сейчас засмеюсь!

Это будет странно –
Слышать смех стеклянный...

- невесело сказал сливочник.

Проснулась чумазая тушилка и зазвенела:

Дзинь! Кто это шипит?
Что за разговоры?
Даже кит ночью спит,
А уж полночь скоро!

Но, взглянув на самовар, испугалась и звенит:

Ай, люди все ушли
Спать или шляться,
А ведь мой самовар
Может распаяться!
Как они могли забыть
Обо мне, тушилке?
Ну, придётся им теперь
Почесать затылки!

Тут проснулись чашки и давай дребезжать:

Мы скромные чашки,
Нам всё всё равно!
Все эти замашки
Мы знаем давно!
Нам ни холодно, ни жарко,

Мы привыкли ко всему!
Хвастун самоварко,
И не верим мы ему.

Заворчал чайник:

Ф-фу, как горячо,
Жарко мне отчаяно.
Это не случайно,
Это чрезвычайно!

И - лопнул!

А самовар чувствовал себя совсем плохо: вода в нём давно вся выкипела, а он раскалился, кран у него отпаялся и повис, как нос у пьяного, одна ручка тоже вывихнулась, но он всё ещё храбрился и гудел, глядя на луну:

Ах, будь она ясней,
Не прячься она днём,
Я поделился б с ней
Водою и огнём!
Она со мной тогда
Жила бы не скучая,
И шёл бы дождь всегда
Из чая!

Он уж почти не мог выговаривать слов и наклонялся набок, но всё ещё бормотал:

А если днём она должна ложиться спать,
Чтоб по ночам светлей сияло её донце, -
Я мог бы на себя и днём и ночью взять
Обязанности солнца!
И света и тепла земле я больше дам,
Ведь я его и жарче и моложе!
Светить и ночь и день ему не по годам, -
А это так легко для медной рожи!

Тушилка обрадовалась, катается по столу и звенит:

Ах, это очень мило!
Это очень лестно!
Я бы солнце потушила,
Ах, как интересно!

Но тут - крак! - развалился самовар на кусочки, кран клюкнулся в полоскательную чашку и разбил её, труба с крышкой высунулась вверх, покачалась, покачалась и упала набок, отколов ручку у сливочника; тушилка, испугавшись, откатилась на край стола и бормочет:

Вот смотрите: люди вечно
Жалуются на судьбу,
А тушилку позабыли
Надеть на трубу!

А чашки, ничего не боясь, хохочут и поют:

Жил-был самовар,
Маленький, да пылкий,
И однажды не прикрыли
Самовар тушилкой!

Был в нём сильный жар,
А воды немного;
Распаялся самовар, -
Туда ему дорога,
Туда и дорога-а!

Утро

Самое лучшее в мире - смотреть, как рождается день! В небе вспыхнул первый луч солнца - ночная тьма тихонько прячется в ущелья гор и трещины камней, прячется в густой листве деревьев, в кружевах травы, окропленной росой, а вершины горы улыбаются ласковой улыбкой - точно говорят мягким теням ночи:

- Не бойтесь - это солнце!

Волны моря высоко поднимают белые головы, кланяются солнцу, как придворные красавицы своему королю, кланяются и поют:

- Приветствуем вас, владыка мира!

Доброе солнце смеется: эти волны всю ночь, играя, кружились, кружились, и теперь они такие растрепанные, их зеленые одежды измяты, бархатные шлейфы спутаны.

- Добрый день! - говорит солнце, поднимаясь над морем. - Добрый день, красавицы! Но - довольно, тише! Детям невозможно будет купаться, если вы не перестанете так высоко прыгать! Надо, чтобы всем на земле было хорошо, не правда ли?

Из трещин камней выбегают зеленые ящерицы и, мигая сонными глазками, говорят друг дружке:

- Сегодня будет жарко!

В жаркий день - мухи летают лениво, ящерицам легко ловить и есть их, а съесть хорошую муху - это так приятно! Ящерицы - отчаянные лакомки.

Отягощенные росой, шаловливо покачиваются цветы, точно дразнят и говорят:

- Напишите-ка, сударь, о том, как мы красивы утром, в уборе росы! Напишите-ка словами маленькие портреты цветов! Попробуйте, это легко - мы такие простые...

Хитрые штучки они! Превосходно знают, что невозможно человеку описать словами их милую красоту, и - смеются!

Сняв почтительно шляпу, я говорю им:

- Вы очень любезны! Благодарю вас за честь, но - у меня сегодня нет времени. Потом, может быть...

Они гордо улыбаются, потягиваясь к солнцу, его лучи горят в каплях росы, осыпая лепестки и листья блеском бриллиантов.

А над ними уже кружатся золотые пчелы и осы, кружатся, жадно пьют сладкий мед, и в теплом воздухе льется их густая песня:

Благословенно солнце

Радостный источник жизни!

Благословенна работа

Для красоты земли!

Проснулись красногрудые малиновки; стоят, покачиваясь на тонких ножках, и тоже поют свою песню тихой радости - птицы лучше людей знают, как это хорошо жить на земле! Малиновки всегда первые встречают солнце; в далекой холодной России их называют "зорянками" за то, что перья на грудках этих птичек окрашены в цвет утренней зари. В кустах прыгают веселые чижи, - серенькие с желтым, они похожи на уличных детей, такие же озорники и так же неустанно кричат.

Гоняясь за мошками, мелькают ласточки и стрижи, точно черные стрелы, и звенят радостно и счастливо, - хорошо иметь быстрые, легкие крылья!

Вздрагивают ветви пиний (хвойное дерево породы сосен, растет на Черноморском побережье Крыма и Кавказа. - Ред.) - пинии похожи на огромные чаши, и кажется, что они налиты светом солнца, как золотистым вином.

Просыпаются люди, те, для которых вся жизнь - труд; просыпаются те, кто всю жизнь украшают, обогащают землю, но - от рождения до смерти остаются бедняками.

Почему?

Ты узнаешь об этом потом, когда будешь большой, - если, конечно, захочешь узнать, а пока - умей любить солнце, источник всех радостей и сил, и будь весел, добр, как для всех

одинаково доброе солнце.

Проснулись люди, и вот они идут на свои поля, к своему труду, - солнце смотрит на них и улыбается: оно лучше всех знает, сколько сделано людьми доброго на земле, оно когда-то видело ее пустынной, а ныне вся земля покрыта великой работой людей - наших отцов, дедов, прадедов, - между серьезным и, покуда, непонятным для детей, они сделали также и все игрушки, все приятные вещи на земле - синематограф, между прочим.

Ах, они превосходно работали, наши предки, есть за что любить и уважать великую работу, сделанную ими всюду вокруг нас!

Над этим не мешает подумать, дети, - сказка о том, как люди работали на земле, - самая интересная сказка мира!..

На изгородах полей рдеют розы, и всюду смеются цветы; многие из них уже увядают, но все смотрят в синее небо, на золотое солнце; шелестят их бархатные лепестки, источая сладкий запах, и в воздухе, голубом, теплом, полном благоуханий, тихо несется ласковая песня:

То, что красиво, - красиво,

Даже когда увядает;

То, что мы любим, - мы любим,

Даже когда умираем...

День пришел!

Добрый день, дети, и пусть в жизни вашей будет множество добрых дней!

Я скучно написал это?

Ничего не подделаешь: когда ребенку минет сорок лет - он становится немножко скучен.

Горящее сердце

Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трёх сторон таборы этих людей, а с четвёртой - была степь. Были это весёлые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжёлая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жёны и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна - назад, - там были сильные и злые враги, другая - вперёд, - там стояли великаны деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днём, в сером сумраке, и ещё плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днём и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А ещё страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям.

Это были всё-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди всё сидели и думали.

...И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, - и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом всё громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один...

Данко - один из тех людей, молодой красавец. Красивые - всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

- Не своротить камня с пути думаю. Кто ничего не делает, с тем ничего не станет. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдём в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец - всё на свете имеет конец! Идёмте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидели, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

- Веди ты нас! - сказали они.

Тогда он повёл...

...Повёл их Данко. Дружно все пошли за ним - верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Всё гуще становился лес, всё меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повёл их куда-то. А он шёл впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нём собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди, между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнём и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещённые холодным огнём молний, казались живыми, простирающими вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей

смотрело на идущих что-то страшное, тёмное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомлённые им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гнев обрушились на Данко, человека, который шёл впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, - вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

- Ты, - сказали они, - ничтожный и вредный человек для нас. Ты повёл нас и утомил, и за это ты погибнешь!

- Вы сказали: "Веди!" - и я повел! - крикнул Данко, становясь против них грудью. - Во мне есть мужество вести, вот потому я повёл вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их ещё более.

- Ты умрёшь! Ты умрёшь! - ревели они.

А лес всё гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понёс труд, и видел, что они как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнём желания спасти их, вывести на лёгкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого ещё ярче загорелось в нём сердце, ибо эта их дума родила в нём тоску.

А лес всё пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...

- Что сделаю я для людей?! - сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из неё своё сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещённый этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумлённые, стали как камни.

- Идём! - крикнул Данко и бросился вперёд на свое место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивлённо качая вершинами, но его шум был заглушён топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слёз. А Данко всё был впереди, и сердце его всё пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождём. Гроза была - там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в бриллиантах дождя, и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что была горячей струёй из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко, - кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и - умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что ещё пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...

Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!

Песня о Буревестнике

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и – тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике – жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, – стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, – им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятьем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, – гордый, черный демон бури, – и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома, – чуткий демон, – он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, – нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

– Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

– Пусть сильнее грянет буря!..